

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, Московский институт открытого образования. Работает учителем. Публиковался в журналах «Подъём», «Наши современники», «Литературная учеба», «Сибирские огни», «Юность» и других изданиях, антологиях, альманахах. Автор четырех книг стихотворений и сборника прозы. Обладатель золотого диплома и лауреат международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и ряда других литературных наград. Живет в Москве.

Александр Орлов

БЕССРОЧНОЕ РАССТАВАНИЕ

Слово об Учителе

Печален я: со мною друга нет...

Александр Пушкин

Когда минуло сорок дней с момента ухода Владимира Андреевича Кострова, его супруга Галина Степановна сказала мне: «Саша, Володя любил тебя как родного сына...»

Что значит потерять кровного отца, я знаю. Мне было шестнадцать лет, когда ушел из жизни мой папа Владимир Александрович Орлов, но теперь мне знаком и иной вид потери, который связан с уходом моего духовного отца — Владимира Андреевича Кострова.

Кем был для меня поэт Костров сейчас, спустя время, мне сложно сказать, так как я убежден, что смерть не может уничтожить подлинную дружбу, духовное родство, неземную связь единомышленников. И этому научил меня он, Владимир Андреевич Костров, уже после своей смерти. Мы стали близки настолько, что эта степень отношений уже не подлежит земным измерениям. Когда все это началось, мне сложно сказать, но Галина Степановна как-то очень верно заметила: «Саша, а ведь вас с Володей познакомил Пушкин, я бы даже сказала, что нас всех познакомил Александр Сергеевич». И на самом деле это было так.

Мы особенно сблизились в Пушкиногорье во время празднования дня рождения великого

русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, и это не случайно. Около тридцати лет Костров возглавлял вначале Всероссийский, а впоследствии и Международный комитет по проведению пушкинских праздников, но главное — на государственном уровне был учрежден в день рождения Пушкина 6 июня Международный День русского языка, а сама идея создания этого чрезвычайно важного события в истории нашей Родины принадлежит Владимиру Андреевичу. Вообще за все время нашей дружбы он непрестанно возвращался к Александру Сергеевичу, который занимал особое место в его жизни. Костров говорил: «Пушкин, гармонически сочетая элементы, как бы охватывает все...»

Пушкин гармонично и неудержимо охватил всего Кострова и являлся судьбоносным знаком свыше во время подготовки и проведения двухсотлетнего юбилея создателя современного русского языка. Именно с горячим участием и по личной инициативе Кострова была проделана громадная работа по воскрешению выдающихся имен русской литературы: Николая Гумилева, Сергея Есенина, Павла Васильева, Бориса Корнилова. Вообще Костров был уверен, что великая русская поэзия в первую очередь отличается гениальной собственной поэтичностью. Но и само глубочайшее соприкосновение с русской поэзией пробуждает в человеке способности пророчески предвидеть будущее. Мне кажется, что Костров фактически по велению души и сердца чувствовал то, что было написано великим русским философом Иваном Ильиным еще до появления на свет Владимира Андреевича.

А писал Ильин следующее: «Вряд ли есть еще один народ на свете, который имел бы такую поэзию, как русская: и по языку, и по творческой свободе, и по духовной глубине. Да — по глубине. Ибо силою исторического развития оказалось, что русский поэт есть одновременно национальный пророк и мудрец, и национальный певец и музыкант. И в русской поэзии, открытой всему на свете, — и Богу — и молитве — и миру — и своему — и чужому, и последней полевой былинке, и тончайшему движению души — мудрость облекается в прекрасные образы, а образы изливаются в ритмическом пении. Так русская поэзия вместила в себя глубочайшие идеи русской религиозности и русской философии и сама стала органом национального самосознания... Русская поэзия — величайшая сокровищница мировой литературы; богатства ее — неопишутемы, неисчерпаемы; совершенство ее языка, разнообразие ее форм, власть ее над содержанием жизни единственны в своем роде. Она всему открыта, ей все доступно... Она выговаривала своим вдохновенным языком то, что у других народов давно уже стало достоянием прозы и публицистики».

И своей жизнью Костров подтвердил изложенное Ильиным. У Кострова, как у ярчайшего представителя русской поэзии, существовало индивидуальное метафизическое и религиозное восприятие, которое является нашей национальной особенностью и сопровождает русскую поэтическую школу все время с момента появления на нашей земле первых христианских молитв. Кострову, как и многим другим подлинным русским поэтам, наиболее свойственно созерцание Бога во всем, что окружает нас. И в этом непрерывном процессе Костров стал одним из неустанных голосов, которые Иван Ильин охарактеризовал как «всенародный голос русской души».

Сейчас я вспоминаю, как несколько лет назад Владимир Андреевич позвонил мне и предложил написать послесловие к его юбилейному сборнику стихотворений. Я был рад и растерян одновременно, но когда работа над текстом была закончена и он прочитал ее, то сказал, что это одно из трех для него по значимости повествований, а в этом ряду уже до меня уже числились литературовед Николай Скотов и поэт Виктор Боков.

В моем послесловии есть такие строки: «Поэзия этого поколения — это поэзия обожженной почвы, это последняя нежность войны, она была рождена под бомбеж-

кама, арбострелами, в оккупации и эвакуации. Она проросла в землянках и каночной системе, возмужала в тягостный период восстановления народного хозяйства и промышленного строительства. Эта поэзия вышла на межпланетную орбиту из бараков, хрущевки и общежитий с первым искусственным спутником Земли, она прикоснулась к непознанному и необъяснимому с первым человеком в мировой истории, совершившим полет в космические бездны. Именно тогда перед поколением трудового героизма и научных подвигов возникли новые культурно-нравственные смыслы, которые привели впоследствии к православным истинам».

К этому поколению принадлежит созвездие поэтов, которое обозначил сам Владимир Андреевич: в его поэтической звездной карте были Лариса Васильева, Глеб Горбовский, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Новелла Матвеева, Алексей Прасолов, Николай Рубцов.

Костров был подлинным аристократом духа; это свойство в нем воспитывала и воспитала вся русская природа, литература, история и культура. Он был человеком в творческом плане абсолютно свободным, я сказал бы, что эта свобода даже внешне читалась в нем, в его улыбке, осанке, манере сидеть и говорить, и в этом состоянии он был вальяжен. Эта осознанная веселая благообразность поведения позволяла ему многое видеть вокруг насковзь, но при этом Владимир Андреевич никогда не использовал свои лучшие качества для самовозвышения, и это позволяло ему с внешним спокойствием и скрытыми внутренними переживаниями прощать подлости окружающим, словно эти поступки не поддавались его рассмотрению ввиду его индивидуальной высоты. Я не могу говорить о Кострове как о своем наставнике, потому что высшая стадия в развитии касательств между учеником и учителем — это когда их взаимоотношения перерастают любые условные границы привычного существования. Так возникает духовное родство; этого, как мне кажется, невозможно добиться в долгой и упорной работе, это всегда приходит исключительно свыше.

Последнее, что я услышал от Кострова, было сказано с невероятной поэтической грустью по телефону: «Когда мы теперь увидимся?»

Владимир Андреевич писал в предисловии к моей книге: «Поэт Александр Орлов привержен классической, то есть совершенной форме стихосложения, которая, как мы знаем, не просто кем-то выдумана. Это свойство мировосприятия нашего народа, неотъемлемая часть русской цивилизации. Настоящая поэзия, в сущности, консервативна, потому что имеет дело с вечными ценностями. Этот присущий русской литературе консерватизм читатели встречают и уже не в первый раз в поэзии Орлова, не исключением является и эта книга. В этих стихах улавливается стремление автора слиться с судьбой своего народа. В связи с этим мне вспоминается указующее высказывание Георгия Свиридова об Александре Твардовском, он говорил: “Полное отсутствие авторского эгоизма. Растворение себя в народной стихии, без остатка. Это достойно лучших мыслей и лучших страниц Льва Толстого — редчайшее качество”».

Порой перечитывая предисловие, я осознаю, что это послание Владимира Андреевича может восприниматься как завещание русского поэта. Ведь наша поэзия переживала в несопоставимом единении с народом все испытания, выпавшие на долю нашего государства. Русская поэзия созерцала все события отечественной истории и воссоединилась с Родиной. И Костров был одним из трудолюбивых в этом единении, а это жребий избранных свыше. Именно его поколение, которое стало преемником поколения героев, победивших самое страшное зло на земле, сохранило тот высочайший уровень мастерства и продолжило выполнять историческую миссию русской поэзии в хрониках мировой цивилизации. Более того: я уверен, что сама жизнь и поэзия Кострова возвращает представителей всех слоев общества к истокам русской культуры и православию.

Поэт в России — больше, чем поэт, и это всем хорошо известно, но только истинный русский поэт способен участвовать в формировании национального самосознания, бесстрашно задаваться самыми животрепещущими вопросами нашей жизни и озвучивать их. Именно таким поэтом был мой друг Владимир Андреевич Костров, у которого получилось стать душенным врачевателем противоречивой эпохи. Он всей пылающей чистотой сердца противостоял культу высокомерного человеческого рассудка, приобретенного и рожденного вне нашего Отечества, цинизма, людоедского материализма, демонической иронии, нигилистической революционности. Он был непримиримым врагом духовного помрачения — и таким останется в памяти миллионов людей, с которыми нас объединяет бескрайнее пространство, исторически получившее именование Россия. Поэзия Кострова является сочетанием сердечной интуиции и духовного свидетельства, и эта поэзия прошла множественные преобразовательные формы, в итоге постигнув близость совершенства, в котором рождалось предощущение грядущей мировой катастрофы.

Когда я задумываюсь о литературном портрете жены поэта, то сразу передо мной возникает образ классика редакторского искусства Галины Степановны Костровой, которая долгие годы проработала в издательстве «Молодая гвардия». Если и писать портрет жены поэта, то исключительно с Галины Степановны. Она растворилась в своем муже, всей сердечной глубиной понимая, с человеком какой величины она идет рука об руку по жизни. А ведь Галина Степановна работала с Владимиром Тендряковым и Василием Шукшиным, дружила с Виктором Астафьевым и Владимиром Богомоловым, была первым издателем Владимира Крушина, на «ты» разговаривала со своим земляком Валентином Распутиным... До сих пор она с уважением вспоминает Василия Белова и с юношеским весельем — Саню Вампилова.

Сейчас Галина Степановна занимается созданием музея Владимира Андреевича, говорит, что каждый день общается с ним и чувственно воспринимает его советы и пожелания, что по телевидению или по радио слышит стихи своего мужа — и понимает, что он рядом.

